

значение 'над', т. е. они фиксируются в форме локатива, а значение направительности в них утрачено: *Тласса Гьаквари* (Верх. Гаквари) – *Гьоркьа Гьаквари* (Ниж. Гаквари), *Тлад Колоб* (Верх. Колоб) – *Гьоркьа Колоб* (Ниж. Колоб), *Тарада Чузли* (Орада Чузли) – *Гьоркьа Чузли* (Ниж. Чузли) и др. Для различения одноименных аулов с компонентом *тласса* 'верхний' используются понятия «большой – маленький»: *Клудияб Глурала* (Большой Урала) – *Гьитлинаб Глурала* (Маленький Урала).

Лезгинские аулы в официальных источниках именуются азербайджанскими названиями, но сами лезгины используют свои наименования: *Вини АрхитI* (Юхари-Архит) – *Агьа АрхитI* (Ашага-Архит), *Вини Хьартас* (Юхари-Картас) – *Агьа Хьартас* (Ашага-Картас), *Вини Ярагь* (Юхари-Ярак) – *Агьа Ярагь* (Ашага-Ярак) и др.

В кумыкских ойконимах *Оьркъазаныш* (Верх. Казанище) и *Тёбенкъазаныш* (Ниж. Казанище) выпал указатель принадлежности *-ги*, компоненты слились и образовалось цельное название. Оба села существуют самостоятельно, на определенном расстоянии друг от друга. Селения *Оьрдеги Ишарты* (Верх. Ишкарты) – *Тёбенги Ишарты* (Ниж. Ишкарты) и *Оьр Джюнгютей* (Верх. Дженгутай) – *Тёбен Джюнгютей* (Ниж. Дженгутай) находятся рядом: чтобы различить их, используются указатель *-ги* или компоненты пишутся раздельно.

В ауле Верх. Катрух живут лакцы, а в Ниж. Катрух – азербайджанцы. Оба села имеют лакское и азербайджанское названия: *Ялу ЧамЛухъи* – *Лу ЧамЛухъи*, *Юхари КлатIрux* – *Ашагъи КлатIрux*.

По одной паре представлены табасаранские и азербайджанские ойконимы: *Заан Яракк* (Верх. Ярак) – *Асккан Яракк* (Ниж. Ярак), *Юхари Жалгъан* (Верх. Джалган) – *Ашагъа Жалгъан* (Ниж. Джалган).

Таким образом, наличие или отсутствие в ойконимах Дагестана понятий «верхний» и «нижний» определяется географическим расположением населенных пунктов. Сравнительно большое количество таких названий даргинских и аварских сел объясняется гористым ландшафтом.

Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. Махачкала, 1980.
Народы Дагестана / Отв. ред. С. А. Арупонов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М., 2002.

В. В. Бардакова
Волгоград

Мир ребенка в именах и названиях (на материале сказок Д. Н. Мамина-Сибиряка)

Картина мира в сознании ребенка представлена как целостная и многообразная модель реальности. Ребенок в своем индивидуальном развитии проходит в сокращенном виде все этапы эволюции постижения окружающего мира и усваивает знания о мире в формах языка. Для детской картины мира, как и для мифопоэтической, характерны олицетворение природы и антропоморфизм. Детская картина мира

основана на эмоционально-ценностном переживании, чувственном постижении мира. Мир в виде образов, доступных и понятных ребенку, предстает перед ним в сказке.

В современном языкознании и психологии, психолингвистике и онтолингвистике сложилось определенное представление о детской языковой картине мира (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, Д. Б. Эльконин, В. С. Мухина, А. Н. Гвоздев, С. Н. Цейтлин, Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, К. Ф. Седов, И. А. Стернин, В. К. Харченко, И. Я. Чернухина, К. Ф. Седов, Н. А. Лемякина и др.).

Адресованная детям и воссоздающая мир детства книга Д. Н. Мамина-Сибиряка «Аленушкины сказки» уже в названии содержит апелляцию к ребенку и к детскому мифопоэтическому мировосприятию. Детский мир, представленный автором, просматривается через призму имен и названий окружающего ребенка предметного мира. Ономастикон сказок рассматривается нами в качестве репрезентанта концептов «семья», «дом», «мир» и «природа» в детском языковом сознании. Названные концепты соотносимы между собой, о чем можно судить по значениям соответствующих слов.

«Семейная» линия, заложенная уже в заголовке цикла, определяет его композицию и образную систему. Стержнем этой линии является имя героини, дочери писателя – *Аленушка*. В этой форме имя героини звучит в «Присказке», почти в каждой сказке цикла, означая постоянное пребывание ребенка в кругу семьи, родных и близких, в завершающей цикл главе «Пора спать». Имя чередуется с местоимениями (*она, ей, ее, ты*), с апеллятивами *крошка, маленькая девочка*, в том числе и в сочетании с именем *девочка Аленушка*. В прямой речи героини используется личное местоимение *я*: *Я люблю снежок; А я тебя знаю, дедушка; Папа, я всех люблю*. Это отражает антропоцентричность как художественного текста, так и детского мировосприятия и соотнобразуется с осознанием ребенком своего места в мире.

Антропонимы как ядерная зона ономастикона сказочного цикла представлены личными именами персонажей, сочетающимися либо с терминами родства (*тетя Оля*), либо с другими идентифицирующими и характеризующими дескрипциями (*трубочист Яша, кухарки Паша и Матрена*). Термины родства в самостоятельном употреблении (*папа, дедушка*) или в сочетании с личным именем (*тетя Оля*), а также имена в гипокористической форме (*Лиза*) относятся к личной сфере говорящей героини. Все эти лексемы репрезентируют концепт «семья». К сфере автороповествователя относятся разъяснения в сносках с указанием полного имени прототипов персонажей сказки и родственных связей с ними героини; апеллятивы *старичок / добрый седой старик, деревенские дети*; антропоморфные имена, репрезентирующими семейно-родственные отношения между действующими лицами сказок (*старая Муха / наша Муха / молоденькая, маленькая Мушка; куклы Аня и Катя, Петрушка / Петр Иванович, его жена Матрена Ивановна, доктор Карл Иванович; дедушка Комарище, младший брат Комаришко, медведь / мохнатый Миша / Миша / Михайло Иванович*). Местоимения, дополнительные конкретизаторы, деминутивная форма имени становятся в контексте знаковыми словами.

Составляющие онимическую периферию клички животных и именованная различных пространственных и бытовых объектов делают возможным более полное описание пространства детского мира, в свою очередь отражая осознание ребенком своего места в расширяющемся вокруг него пространстве, себя в этом мире. До-

машный и семейный быт эксплицируется такими лексемами и их сочетаниями, как *котикшко (кот) Мурка, Ворона, Канарейка, клетка, комната, форточка, родилась, выросла, жила*. Игрушки и принадлежащие Аленушке вещи представлены персонифицирующим именным рядом, дополняемым характеризующими дескрипциями: *пузатый деревянный Волчок, резиновая Кошечка, фарфоровая Собачка, деревянные Кубики, серебряная Ложечка, Аленушкины Башмачки, Аленушкина Метелочка* и др.; «дворовое» хозяйство – онимизированными видовыми названиями домашних птиц: *Индюк и Индюшка, Гусак, Петух, Утка, Курочка*. В совокупности они репрезентируют концепт «дом». Окружающий «мир» и «природа» предстают в разнообразных картинах и лицах. Персонажи получают развернутые характеристики и имена, преимущественно – традиционно фольклорные. В завершающую цикл колыбельную «Пора спать», значительно расширяющую воображаемое пространство, автор включает множество имен – например, названий цветов и мест их «рождения»: *Розы – долины Ширази, Гиацинты – Палестина, Азалии – Америка, Лилии – Египет*. Малютка мысленно «летает» над *полем, морем, пустыней, горами и лесами*, возвращаясь домой – к зеленым елочкам, птичкам, родным местам.

Весь мир, созданный писателем, предстает перед маленькой девочкой, которая находится в центре этого мира. Наполненная поэзией картина мира, воссоздающая мифопоэтическое восприятие ребенка, раскрывается детям – читателям сказок Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Е. Бартминьский
Люблин (Польша)

«Несчастный дар свободы»: динамика понятия *wolność* в польском языке

Положение свободы (польск. *wolność*) в польской иерархии ценностей неизменно является очень высоким [CBOS, 1994; Pisarek, 2000; Fleischer, 2003], что обусловлено польской культурной традицией, восходящей к временам Первой Речи Посполитой – с ее девизом «золотой свободы» и дальнейшим сопряжением свободы с идеей борьбы за независимость (польск. *niepodległość*), ср. лозунг *Za wolność naszą i waszą* («За свободу нашу и вашу»). С XIX и почти до конца XX в. свобода (*wolność*) в польском культурно-языковом сознании связывалась в первую очередь с народом [Abramowicz, Karolak, 1991]. Такое понимание польской свободы подвергла тонкому семантическому анализу Анна Вежбицкая, отделившая понятие *wolność* как идеал народный, групповой от понятия *swoboda*, которая трактуется в первую очередь как свобода индивидуальная [Wierzbicka, 1999].

Однако обретение Польшей полной суверенности привело к переменам в понимании свободы (*wolność*), особенно в молодежной среде. Прежде всего появилось осознание, что одного лишь идеала свободы, подвигающего к активной борьбе за освобождение, недостаточно в условиях продвижения к независимости и завое-